

SPER nera
20. PAP

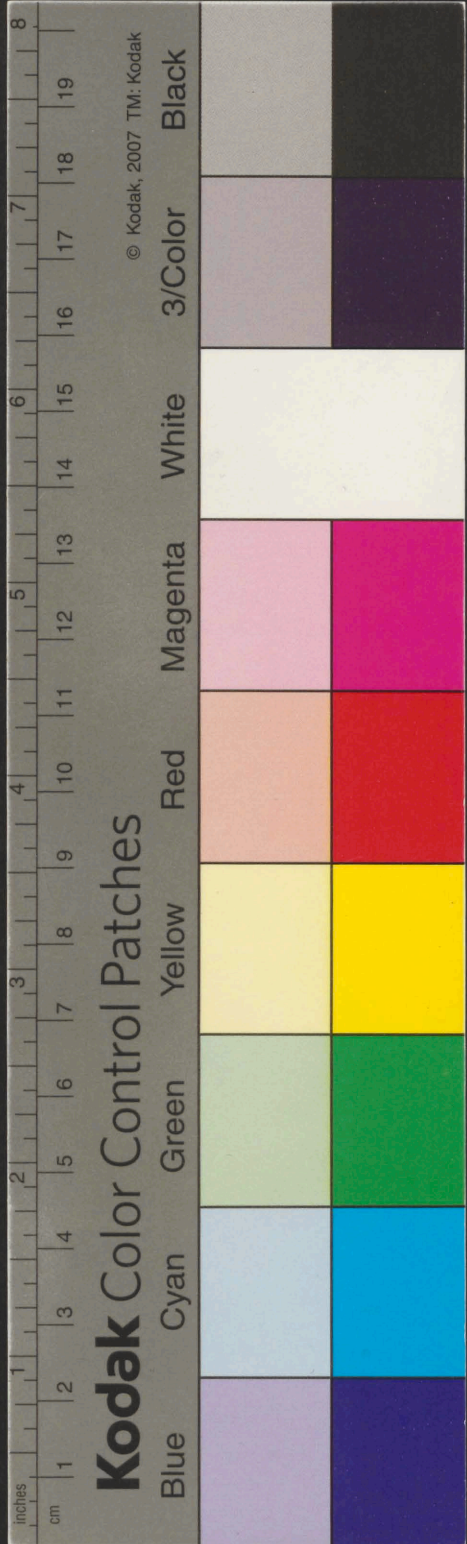
Цѣна № 15 к.,
въ провинціи
20 к.

ПОБЕДИНОК

№ 2.
1906 2.

Органъ сатирической мысли.





Усмирение.

(Разсказъ Дѣдушки Петра).

— „Слушайте, ребятушки; слушайте, желанные старичка-прохожаго, дѣдушку-Петра! Не про Змѣй Горыныча, чудище поганое: не про волка съраго рѣчь онъ поведетъ. Скажетъ онъ, ребятушки, какъ въ селѣ Неѣловѣ, почитай, съ полмѣсяца, усмиряли бунтъ“!

I.

— Началось все съ этого, что прошедшей осенью хлѣбушко на колосѣ весь повыбилъ градъ... Кто пошелъ до города, кто пошелъ къ помѣщику, чтобъ своей работою прокормить семью... Только... всѣ вернулись... Въ тѣ поры по волости, не въ одномъ Неѣловѣ, голодалъ народъ...

Какъ повышелъ хлѣбушко, стали думать горькую, вѣчную, крестьянскую думать мужички... Все, что было отдали Тихону Ѳедотычу, кулаку проклятому; все— за полицны...

Снова вышелъ хлѣбушко... Малые ребятушки, знамо, неразумныя, пухнуть и ревуть!.. Въ хатѣ баба бѣдная ихъ унять старается, а сама отъ голоду почернѣла вся...

А близи Неѣлова въ закромахъ помѣщичьихъ, хлѣба-то засыпано, почитай, сто пудъ! Вотъ и порѣшили мы міромъ всѣмъ отправиться, поклониться въ ноженьки, хлѣба попросить: „Вотъ ужъ по осени долгъ свой отработаемъ“— говоримъ помѣщику: „Помоги, родной!“

— „Не могу, ребятушки; приходились раньше вы!.. Заграничнымъ скупщикамъ продать хлѣбъ-отъ я...“—Тутъ ужъ не стерпѣли мы: „Что же?.. Гдѣ тутъ правда-то?.. Помирать приходится!.. Нѣмцамъ заграничникамъ вырываетъ хлѣбушко изъ голодныхъ ртовъ“!..

Испугался, видно, онъ, приказалъ приказнику всѣмъ насыпать хлѣбушка, сколько кто хотѣлъ...

II.

Ну... прошло съ полмѣсяца... Вдругъ на тройкѣ къ старостѣ, Прохору Терентычу, ѣдетъ становой... Насъ на площадь вызвали...

Видимъ вмѣстѣ съ старостой изъ избы выходить къ намъ пьяный становой: „Шапки прочь, крамольники!.. Сволочь черноземная!.. Что, вы тутъ затѣяли бунтъ никакъ, творить?! Выдавай зачинщиковъ!.. Что?.. Молчаты!.. Недвигаться!.. Я васъ, голоштаные, живо запорю!.. Вы зачѣмъ помѣщика вашего ограбили?.. Изъ имѣнья барскаго хлѣбъ зачѣмъ свезли?! Эй, рубаха красная!.. Что молчишь, насупившись!.. А-а?! Зачѣмъ помѣщика грабилъ?.. Отвѣчай!..“

„Ваше благородіе; дѣтки пухли съ голоду; весь повышелъ хлѣбушко... Голодали мы!“

— „Замолчаты!.. Эй, староста, называй зачинщиковъ!.. На селѣ Неѣловѣ кто затѣялъ бунтъ?!“ Тутъ ужъ не стерпѣли мы: „Бунту вовсе не было... Помирать, чтоль, съ голоду? Что же дѣлать намъ?“—Гуль пошелъ по площади... Мужички задвигались... Каждый сталъ выкладывать про свою нужду...

Становой понятился, сѣлъ на тройку быструю и помчался къ городу— „Будетъ вамъ, ужъ!“

На другой день къ полудню казаковъ пригнали къ намъ, становой съ полковникомъ тоже прискакалъ. Вышли мы къ правленію, съ малыми ребятами, съ женами да сестрами; шапки сняли прочь... — „Что вы тутъ затѣяли?!“—закричалъ полковникъ намъ, сытенкій и кругленькій, что твой барабанъ: — „Эй, мерзавцы, сволочи!.. Раззорять помѣщика!.. Бунтари!.. Крамольники!.. На колѣни всѣ!“

Мы—не шелохнулись... Слова не промолвили, только шапки рваныя мнемъ въ своихъ рукахъ:

„Неповиновеніе?!“—зарычалъ полковникъ намъ: — „На колѣни!.. Слышите?! Всѣхъ перепорю!“—И пошло побоище: старого и малаго, били всѣхъ нагайками, не щадя и бабъ... Стоя пошелъ по площади... Ползаютъ избитые... На травѣ утопанной всюду наша кровь...

— „Что не покоряетесь?! Выдавай зачинщиковъ!.. Староста, изъ города приходилъ къ вамъ кто?“

— „Ваше благородіе, не было зачинщиковъ; мы пошли лишь съ голоду хлѣбушка просить!“—А прося ограбили?! Эй, Ивановъ, Прохоровъ, бей его крамольника!.. Высыпать сто плетей!.. Долго нами тѣшились... Стариковъ и дѣвушекъ, даже малыхъ дѣтушекъ, били не щадя!..

Казаки остались на селѣ Неѣловѣ; почитай съ полмѣсяца раззоряли насъ! На постой назначили, въ видѣ наказанія, по двое и по трое въ каждую избу!.. Эхъ, ты, горе, горькое!.. То подай имъ этого, то имъ щи не по сердцу, то подай имъ дочь!..

Соберутся пьяные и по всѣмъ по улицамъ на коняхъ нагайками, ну, народъ хлестать!.. Иль поймаютъ... дѣвушку... и ватагой пьяною, съ пѣснями и хохотомъ повлекутъ въ гумно!..

Помните же, дѣтушки; помните, желанные какъ въ селѣ Неѣловѣ усмиряли бунты!..

В. Стырый.



О т ъ к р е с т ь я н ъ .

Нашимъ потомъ и кровью удобрена тѣ,
 И слезами омыта родная земля;
 Ты во власти теперь *незаконной* у баръ,
 Но по праву ты наша и есть и была.
 Мы вѣками трудились въ пользу господъ
 Часто хлѣба куска не имѣли,
 А они наслаждались въ хоромахъ своихъ,
 И за нашей спиною жирѣли.



Но *дозволено*, сознание проснулося въ насъ
 Ужъ не темень какъ прежде мужикъ,
 Поднялась по деревнямъ крестьянская рать,
 И раздался воинственный крикъ.
 „Ну-ка братцы вставайте, и сбросьте съ себя
 Гнетъ неволи, и смѣло впередъ!
Поднимайся на баръ, и иди за землей
 Отрезвленный крестьянскій народъ.

Вѣра 3.





Пѣсня буреѣстника.

Жалкія люди, вашъ жизненный путь
Блещетъ ли ярко огнями?..
Вольно ли дышетъ изсохшая грудь,
Сжатая рабства тисками?..

Ползая медленно взадъ и впередъ,
Мысль облакая въ оковы,
Рабски покорно вы сносите гнетъ,
Гнетъ беспощадный, суровый!..

Вамъ не поднять предъ грозой головы;
Все-то приводить васъ въ трепетъ!..
Кротко испуганно смотрите вы,
Рѣчью зовете вашъ лепетъ!..

Стонъ вашъ сливается съ лязгомъ цѣпей;
Стонете вы отъ безсилія!..
Сами себѣ вы рукою своею
Воли обрѣзали крылья!..

Какъ хорошо къ голубымъ небесамъ
Взвиться могучимъ полетомъ!..
Волей, свободою дышется тамъ,
Нѣту тамъ мѣста заботамъ!..

Только... не надобно въ жизни калѣкъ!..
Жалобы, стоны, молитвы
Долженъ скорѣй замѣнить человекъ
Пѣсню побѣдною битвы!..

Долженъ онъ смѣло и грозно проклясть,
Все что влечетъ поработенье!..
Долженъ низвергнуть позорную власть;
Долженъ откинуть сомнѣнье!..

Долженъ идти онъ впередъ и впередъ,
Въ прахъ расшибая преграды!..
Долженъ вездѣ поднимать онъ народъ,
Строить вездѣ баррикады!..

Долженъ отречься отъ жизни своей,
Грудь закалять молодую;
Бросить любимыхъ и близкихъ людей,
Выковать волю стальную! .

Долго отчизна спокойно спала,
Наглая, хищная стая
Много посѣяла горя и зла,
Всюду, отъ края до края!..

Много работы досталось намъ;
Въ путь же, товарищи-братья!..
Прошлаго рабскія цѣпи—къ ногамъ!..
Злу, произволу—проклятыя!..

В. Князевъ.

* * *

Смѣло развѣйся знамя борьбы.
Долго-ль томиться намъ долго-ль страдать,
Долго-ль свободы какъ милости ждать,
Иль мы навѣки рабы?!..

Рабъ свободный, выходи.
Въ обновленной жизни поле,
Къ новой битвѣ и на волю,
Въ новый лучший путь иди.

Нѣтъ тебѣ преградъ коварныхъ,
Не страшитъ тяжелый трудъ,
Ты правителей бездарныхъ
Смѣло выведешь на судъ.

Передъ силою свободной
Сгинуть пасынки судьбы,
И надъ міромъ разовьется
Знамя красное борьбы.

Осужденное насилье
Свергнешъ ты бичемъ ума,
Гнетъ сразишь, расправишь крылья
Рухнетъ старая тюрьма.

И свободный и могучій
Какъ весенній ураганъ,
Ты промчишься вольной тучей,
Предъ тобой падетъ тиранъ.

Сгинуть бѣдность и богатства,
Зло продажнаго суда,
И заблещетъ въ сѣни братства
Знамя красное труда.

Смѣло развѣйся знамя борьбы,
Долго-ль томиться намъ, долго-ль страдать,
Долго-ль свободы какъ милости ждать,
Иль мы навѣки рабы?!..

Прохожий.





Изъ корана.

(Переведено съ нелегального языка *).

Задремалъ разъ Аллахъ отъ трудовъ и заботъ,
И въ раю всѣ затихли, какъ мыши:
Смотритъ самъ Магометъ приставъ райскихъ воротъ,
Чтобъ ходили на цыпочкахъ тише...
Вдругъ стрѣлою архангелъ влетѣлъ Азраиль,
Всѣхъ святыхъ растолкавъ по дорогѣ,
Стукомъ, грохотомъ бога отъ сна пробудилъ
И предсталъ передъ нимъ весь въ тревогѣ...
— „Что такое?... Потопъ?... Изверженъ?... Проваль?!!
Ты откуда сейчасъ?“ — „Изъ Хартума.
Ахъ, мой богъ, мой отецъ, тамъ огромный скандалъ;
Тамъ открылась де-канская Дума!..
— „И зачѣмъ?... Разсуди это дѣло, какъ слѣдуетъ:
Ни на что вѣдь оно не похоже,
Что на этотъ народъ столько послано бѣдъ!..
За какую провинность, о, боже?...
— „Графъ Бутылкинъ, Мароккскій великій премьеръ,
Показалъ изъ подъ полы свободу,
А потомъ, на коварный, турецкій манеръ,
Ну, повсюду, палить по народу!..
— „А чтобъ кончить скорѣе крамольный вопросъ,
Взялъ въ помощники Петьку Лихого...
Этотъ съ первыхъ же дней жрать принялся овесъ,
(Я отъ вѣка не видѣлъ такого!)
— „И нажавшись досыта вкуснымъ овсомъ
Взявъ на помощь себѣ хулигановъ,
Сталъ устраивать онъ за погромомъ,—погромъ,
Рѣзать бѣдныхъ людей, какъ барановъ!..
— „Ахъ, мой богъ, мой отецъ, снизойди, посмотри!..
Обрати на Хартумъ ты вниманья,
Руку помощи свѣше свою протяни,
Облегчи ты народа страданья!..

— „Вонъ, смотри, умираетъ одинъ на пескахъ
Пьяной шайкой рабочій избитый!..
Въ потускнѣвшихъ широко-открытыхъ очахъ
Виденъ ужасъ борьбы пережитой...
— „Вся окрестность кругомъ и мертва и пуста...
Ускакала опричниковъ стая,
И твердятъ передъ смертью бѣдняги уста:
„Я за бѣдный народъ умираю!“
— „Слышь, звуки?... То стонетъ матросъ молодой
Потрясая безсильно цѣпями...
Дальше, въ морѣ, за темной, туманною мглой,
Видишь, островъ съ святыми тѣлами?...
— „Жертвамъ мѣста не хватитъ въ пресвѣтломъ раю,
Вѣдь вампиры пошады не знаютъ!..
На Авказѣ, въ Кибири, въ Алтійскомъ краю
Безъ числа вѣдь народъ убиваютъ!
— „Дума жъ, дума Хартумская молча сидитъ,
Резолюции только выносить,
Безъ конца говорить, говорить, говорить,
Милосердя у изверговъ просить!—“
Такъ докладывалъ богу крылатый гонецъ,
И Аллахъ хмуритъ брови сѣдая,
Но подумавъ, ему онъ сказалъ наконецъ
Баритономъ слова таковыя:
— „Отправляйся обратно въ Хартумъ ты скорѣй!
И повѣдай несчастному краю,
Что пока онъ не сброситъ позорныхъ цѣпей,
Я и знать-то о немъ не желаю!..
— „И народу ты, вотъ что еще, передай,
Что похуже въ грядущемъ съ нимъ будетъ,
Если онъ отъ собакъ не избавитъ, свой край
И свободы себѣ не добудетъ!..
— „Ну, а Дума?—Пускай засѣдаетъ она,
Если ей ужъ такъ это охото,
Но когда же возстанетъ повсюду страна,
Побросаетъ де-канцевъ въ болото!“ —

Перевелъ Одинокій.



*) Да проститъ меня Аллахъ и Магометъ, пророкъ его за нѣкоторыя не-
точности перевода.



Руководство

всѣхъ российскихъ сатрапій.

Азъ есмь губернаторъ твой, да не будетъ тебѣ други, инѣи, развѣ мене.

Не сотвори себѣ идеи и всякаго ученія, елико на Бакунинской догмѣ, елико на марксовской, елико на ка-детской, да не поклонишася имъ и да непослужиши.

Не восхваляй имени губернатора твоего всуе.

Рѣжь студентовъ, жидовъ и крамолу, и водка ти будетъ и да почтенъ будеши въ части.

Помни день 23* часовый еже читаетъ его; 23 часа дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ дѣла твоя, часъ же оставшійся, единственный — губернатору твоему.

Убий.

Прѣлюбо сотвори!

Укради.

Засади друга твоего-кромольника въ участокъ.

Не зывай.

Обыскивай карманы искренняго твоего, вытаскивай кошелекъ близняго твоего, и часы его, и платокъ его и портсигаръ его, и цѣпочку его, и все елико суть въ карманахъ близняго твоего!

Для Ренненкампфа, Киранозин, Амиханн, Скалонн и пр. и пр.

Составилъ смиренный Василь.

Борцу за свободу.

Съ душой возвышенной и чистой,
Подобный грозному титану,
Тропою узкой и тернистой,
Иди ко вражескому стану!..
Впередъ борецъ!.. Отравой мщенья
Покрой свой мечъ, копье и стрѣлы;
Не знай пещады и прощенья,
Иди, иди на подвигъ смѣлый!..

А. Соколовъ.



Ясновидящiе.

I.

— Кайся скорѣй, многогрѣшное чадо!..
Ждетъ ты на небѣ за это награда!..
Былъ ли во храмѣ?.. Сильна-ль твоя вѣра?..
Между знакомыхъ не зналъ-ли эсь-ера?..

Глупо прельстившись идеей подпольной,
Былъ-ли когда ты на сходѣ крамольной?..
Слушался-ль старшихъ?.. А въ „дѣлѣ“ замѣнешъ?..—

— „Грѣшенъ я, батюшка, грѣшенъ“!

II.

— Все расскажи мнѣ теперь безъ утайки!..
Или получишь удары нагайки!..
Живо завоюешь такимъ-то манеромъ!..
Кто изъ знакомыхъ твоихъ былъ эсь-еромъ?..

Ну! Отвѣчай! Алъ не пробовалъ плетки?!..
Гдѣ собирались крамольныя сходки?!..
Ну, а замѣнешъ въ какомъ бытъ ты дѣлѣ?..

Въ темную на двѣ недѣли!...

В. Князевъ.

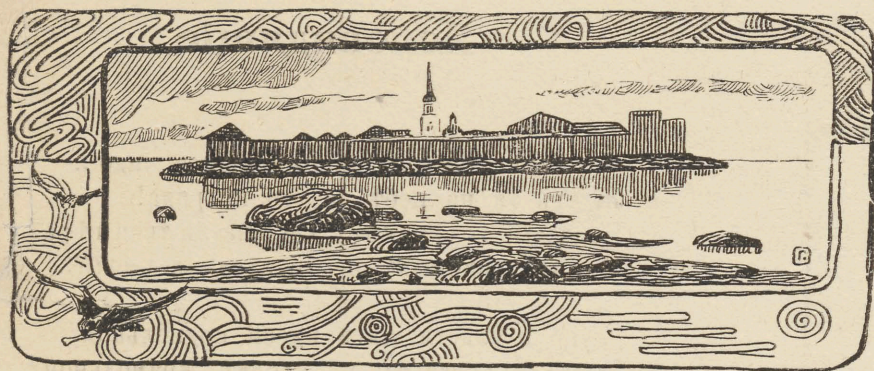
За что?

Что я вижу въ газетѣ? Ужели не сонъ?...
Это-ль „партия народной свободы“?
Предо мной „о печати новѣйшій законъ“,
Воскрешающій старые годы...

Все, что прежде давило, сжимало печать,
Что ей цѣпи ковало сурово,
Что всегда, въ старину,—заставляло молчать
Соль — культуры — свободное слово!

Все опять пробуждаетъ новѣйшій законъ,
Только съ болѣе вкусной „приправой“,
Чтобъ печать погрузить въ ненавистный ей сонъ,
Чтобъ ей сердце наполнить отравой.

Г. Карповъ.



Нянина сказка.

— Няня, мнѣ страшно!

— Не думай, дитятко, закрой глазки и тогда тебѣ не будетъ, страшно...

— Няня, я слышалъ изъ своей колыбели за окнами дворца звонъ цѣпей и стоны... какъ будто бы вся земля плакала и на чьихъ то ногахъ бряцали кандалы. Сперва я слышалъ только эти стоны да звонъ цѣпей, потомъ къ нимъ прибавилась какая то пѣсня, то страшная, какъ буря, то счастливая, какъ мечта...

Вмѣстѣ съ пѣснями, что то падало, разрушалось и мнѣ чудилось, что стѣны нашего дворца вздрагиваютъ. Стоны перешли въ смертельно страшные вопли, но цѣпи бряцали по новому. Въ ихъ звонѣ уже не слышалось прежней скорби и мучительной тоски. Онѣ какъ будто бы рвались и сползали съ чьихъ то ногъ. Няня, а потомъ лязгала сталь, какъ будто бы палачи оттачивали топоры... А тамъ опять слышались вопли и къ нимъ прибавился еще дѣтскій плачъ. За дворцомъ каркало всроне и свистѣли ихъ черныя крылья... Журчали какіе то ручьи и мнѣ чудилось, что то человѣческая кровь. До моего слуха еще доносился дикій вой и бѣшеный хохотъ, словно смѣялся самъ сатана.

Но пѣсня сильная, какъ буря, страшная, какъ небесный громъ и счастливая, какъ мечта, не прерывалась, она звучала громче и своими раскатами покрывала и дикій вой и бѣшенный хохотъ...

И теперь, няня, я все это слышу!..

А вотъ еще что то новое, словно шипятъ змѣи.

Няня, расскажи мнѣ, что это?—Неужели вся земля наполнилась змѣями!?

— Нѣтъ, дитятко, это шипятъ пули. Это полки разряжаютъ ружья.

— Съ кѣмъ они вздумали воевать?

— Тише, тише, дитятко, не буди моей печали! А если хочешь, я безъ твоихъ страшныхъ словъ расскажу тебѣ сказку:

„Въ той землѣ, которая сотни лѣтъ стонала и надрывалась, въ той землѣ, поля которой вмѣсто жита усѣяны человѣческими костями, палачи вздумали воевать съ народомъ.

— Гдѣ же они взяли солдатъ?

— Слушай, не перебивай! Палачи ихъ набрали изъ того же народа.

— Нѣтъ, няня, я этому не хочу вѣрить: не способенъ на такое дѣло солдатъ изъ народа!..

— Замолчи, вѣдь я тебѣ говорю сказку... Знаешь ли ты, дитятко, что такое рабство?—Это—тяжелыя кандалы, желѣзныя цѣпи.

Сбрасывалъ съ себя народъ рабство, спадали съ его ногъ кандалы.

Привыкли палачи слышать звонъ цѣпей, не хотѣли они лишать себя этого удовольствія.

Порабощенный народъ добывалъ палачамъ медъ, пиво, брагу крѣпкую. Закрѣпощенный народъ изъ своихъ костей дѣлалъ побрякушки, чтобы развлекать палачевыхъ щенятъ.

Не хотѣли палачи разставаться и съ этимъ удовольствіемъ!

Стали палачи думу думать, на бобахъ гадать, съ кудесниками, да съ вѣдьмами совѣтъ держать, чтобы сохранить въ своей землѣ рабство, чтобы не лишать себя удовольствія слышать кандадную музыку, и пришли къ такому заключенію—потопить въ крови сбросившихъ уже съ себя цѣпи и сдѣлать смуту, чтобы народъ на народъ пошелъ. А та земля была велика и обильна и многими народами полна.

Сказано—сдѣлано.

Разослали палачи по всей землѣ дьяковъ, вельможныхъ бояръ, инквизиторовъ, которые согласились за тридцать сребренниковъ именемъ Бога живого торговать.

Ополчилась черная клика, развернула знамена своихъ палачей, зазвонила предательски въ христіанскіе колокола и, корчась въ дикой пляскѣ пошла налѣво и направо громить, рубить, насиловать, растлѣвать. Подняла черная клика со дна темныя силы.

Гибли отъ этого нашествія и тѣ, что сбросили уже съ себя цѣпи, и тѣ, что еще волочили ихъ на своихъ ногахъ.

Истекали кровью дѣти, матери, сестры, братья, отцы, жены—никому пощады не было.

Только не помогла палачамъ ни черная клика, ни темныя силы со дна.

Народъ изъ кровавой лужи братьевъ, отцовъ, сыновей выходилъ свободнымъ и отъ рабства и отъ цѣпей.

Во всѣхъ концахъ земли разводили кузнечныя горна, строили наковальни и изъ сброшенныхъ съ ногъ кандаловъ люди ковали кистени, пики, стрѣлы и палицы.

Въ ярость пришли палачи и придумали для народа новыя пытки: стали собирать солдатъ и лживые инквизиторы опять за тридцать сребренниковъ торговали именемъ Бога живого. Лжедуховники шептали солдатамъ:

„Христіолюбивое воинство! не щади ни брата своего, ни мать свою, ни отца своего, ибо за своя дѣла унаслѣдуешь царствіе божіе. Руки твои, омытыя кровью родившихъ тебя мы искупимъ нашими святыми молитвами!..“

Съ затаенной злобой въ сердцахъ слушали солдаты карканье черныхъ воронъ, алчущихъ крови, и молчали. Ихъ заколдованная воля была бессильна.

Съ барабаннымъ боемъ, съ ружьями на прицѣлѣ отправили палачи заколдованныхъ воиновъ на народъ.

Шипѣли пули, какъ змѣи.

Плакала мать сыра-земля и хоронила въ своей утробѣ солдатскихъ отцовъ, братьевъ, женъ и матерей.

Каркали черныя вороны надъ могилами.

Но воины узнавали стоны родимыхъ.

Солдатскія руки слабѣли. Воины одинъ за другимъ опускали свои ружья, бросались на колѣни, плакали надъ могилами и шептали „простите, родимые, насъ обманули палачи!..“

Солдатскіе полки выходили изъ заколдованнаго круга: они поворачивали свои ружья и ихъ пули свистѣли по палачамъ...

— Дитятко, а теперь спи, завтра я расскажу тебѣ еще сказку.

Гражданинъ.

Новая пѣсня.

Озаряемая зарею востокъ,
Пробудилась угнетенная страна,
Цѣпи прошлаго отбросила далеко,
Цѣпи долгаго, мучительнаго сна...

Отъ Финляндіи суровой и угрюмой,
До Алтая снѣжныхъ, ледяныхъ высотъ,
Поднимался всюду съ затаенной душой
Оскорбленный и униженный народъ...

И покорно затихала непогода,
А изъ сумрачныхъ, далекихъ, мрачныхъ тучъ,
Солнце правды—лучезарная свобода—
Посылала намъ свой первый, свѣтлый лучъ!..

Слышишь ли стоны надъ краемъ роднымъ,
Кровью политымъ, злобно гонимымъ
Шайкой проклятыхъ трутней?..

Видишь: сожженные бѣдныя хаты?..
Слышишь: орудій зловѣщихъ раскаты,
Свистъ беспощадныхъ плетей?...

Братъ мой, не падай тревожной душой,
Рви эти цѣпи могучей рукою,
Братъ мой алфѣтъ восходь!..

Залиты грозной толпою дороги,
Падаютъ храмы, дворцы и остроги;
Кто то великій идетъ!..

Слышатся гордые, смѣлыя рѣчи,
Искры борьбы зажигая въ груди!..
Братъ мой любимый спѣши къ нимъ на
встрѣчу!..

Братъ угнетенный, иди!..

В. Князевъ.

* * *

Падаетъ долгаго гнета стѣна,
Рабство бывшее—забыто...
Многихъ, быть можетъ, задавить она
Тяжкимъ паденьемъ гранита!..
Что-же?.. погибшимъ мы славу споемъ;
Сами жъ, какъ бурныя воды,
Хлынемъ чрезъ стѣну и въ битвѣ
возьмемъ

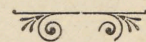
Полное счастье свободы!..

А. Соколовъ.

Мелочи.

— Говорятъ, что исторія не повторяется,
однако же мы переживаемъ въ настоящее
время и эпоху опричины, и покореніе Си-
бири казаками, и завсѣваніе Ливоніи, Поль-
ши, и даже Кавказскія войны.

— Этакъ, чего добраго, скоро и Пуга-
чевскій бунтъ увидимъ!—



— Митричъ, а Митричъ!—

— Чаво?

— Сор-отъ со двора выбирать надо-тъ,
а то околотоводочный, либо приставъ штрахтъ
наложить!...

— Знамо надо-тъ!.. Эфто даже въ га-
зетинахъ пропечатано намеднисъ лавошникъ
читалъ: такъ и такъ, молъ, соръ изъ двора
выметать пора, весна на дворѣ!..

— Погоди малость—выметемъ!.. Какъ,
Богъ святъ, выметемъ!...



Голодъ идетъ.





— Сижу эфто я, Перепетуя Менандровна, на завалинкѣ. „Самъ“ отъ газету читаетъ, про Думу, да про кадетовъ, а мальченка Митинька, въ гимназіи енъ состоитъ, баспо жарить... Погляжу эфто я на нихъ — уморушка!.. Самъ отъ какъ зачнетъ басомъ: „въ капустіонно-демордобической партіи...“, а Митинька изъ окна!.. „Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду!“

— Скажи с! ..

В. Г.

Изъ пѣсенъ свободы

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право се...“

Довольно терпѣнья—
Поругана честь!..
Народное мщенье
Не знаетъ прощенья;
Да здравствуетъ мѣсть!..

Забудемъ молитвы
И пѣнье псалмовъ...
Призывами къ битвѣ,
Какъ лезвіемъ бритвы,
Разимте враговъ!..

Реветь непогода
Во тѣмѣ вѣковой!..
За долю народа
Насъ кличетъ свобода;
Идемте на бой!..

Пусть ночь потемнѣла,
Пусть буря реветъ—
Товарищи, смѣло
За общее дѣло
Идемте впередъ!..

Поднимутся страны
Забудется страхъ!..
Забьютъ барабаны...
Падутъ истуканы
Предъ нами во прахъ!..

Не ждемъ мы награды;
Мы—воли хотимъ...
Подъ гулъ канонады,
Въ огнѣ баррикады
Мы міръ обновимъ!..

Довольно терпѣнья —
Поругана честь;
Народное мщенье
Не знаетъ прощенья;
Да здравствуетъ мѣсть!..

Буревѣстникъ.

КРОТЫ.

(Разсказъ).

Ихъ было много...

И всѣ они, прикованные къ тачкамъ, запряженные по рудникамъ и копамъ должны были трудиться съ первыхъ проблесковъ зари до поздней ночи. Надсмотрщиками надъ ними были поставлены ихъ же дѣти и братья, оторванные отъ родныхъ семействъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Этихъ юношей хозяева рудниковъ предварительно передѣлывали на свой ладъ, давали имъ въ руки ружье или остро отточенную шашку и указывая на согнутыхъ подъ тяжестью житейскаго бремени стариковъ и дѣтей, приказывали имъ:

— Стрѣляй! Руби!

И если они продѣлывали это безъ малѣйшаго смущенія — имъ раздавали награды, повышенія, чины и ордена. И случалось такъ, что когда они разрушали свое-же отечество и убивали всякую вѣру въ людяхъ — имъ раздавали ордена съ надписью: „За вѣру и отечество“. Если они убивали безоружныхъ людей имъ вѣшали на грудь кресты имени Георгія Побѣдоносца.

Долго такъ жили люди во тьмѣ въ недоумѣнн. Но времена перемѣнчивы. На горизонтѣ вѣчныхъ страданій сверкнула новая, невѣдомая доселѣ звѣзда. Яркая, красная... И она своимъ блескомъ пробудила сердца людей какъ божественнымъ откровеніемъ. Вспыхнули сердца людей, пробудились и подъ грязнымъ убогимъ нарядомъ забили яркіе, чистые родники новой жизни.

Къ дѣлу товарищи! Впередъ!

И люди могучіе, сильные опустили по рудникамъ, разбрелись по самымъ отдаленнымъ шахтамъ и принялись усиленно работать. Тачка за тачкой выбрасывались цѣлыя горы земли изъ ихъ норъ. И надсмотрщики и хозяева не могли понять, что за перемѣна произошла съ ихъ упорными рабами. Хозяева говорили:

— Не забывайте только почаще ихъ подгонять и работа пойдетъ еще быстрее.

Надсмотрщики отвѣчали въ голосъ:

— Рады стараться Баше-ство! — и дружно били рабовъ.

Рабы, чтобы дальше уйти отъ тирановъ все глубже и глубже рыли подземные входы и казалось конца имъ не будетъ.

Но вотъ разъ подъ вечеръ нанося молоткомъ послѣдніе удары каменистой черствой почвѣ, одинъ изъ рабочихъ почувствовалъ какъ его орудіе глухо ударилося объ ровный отшлифованный гранитъ и въ ту же минуту услышалъ далекіе-далекіе звуки оркестра, шелестъ ногъ по паркету и грязныя циничныя пѣсни вельможъ. Эти пѣсни рабу уже были знакомы. Онъ вздрогнулъ отъ неожиданной радости.

— Товарищи! — пронесся по шахтамъ его могучій голосъ. — Товарищи! Я достигъ храма тунеядства. Теперь то онъ рухнетъ. Сплотимся же дружно и къ первому проблеску солнца окончимъ работу. Солнечный лучъ снова засвѣтитъ намъ. Мы выйдемъ наверхъ. Мы пробьемъ путь къ свѣту. Итакъ: Впередъ товарищи!

Дружно застучали кирки и топоры. Живо кипѣла работа и едва востокъ озолотился первыми лучами какъ рухнулъ храмъ тунеядства и чистая, ароматичная струя мощнымъ потокомъ хлынула черезъ открывшееся отверстіе въ душное и мрачное подземелье.

Рванулись къ свѣту усталыя, больныя души рабовъ и мощный всесильный гимнъ свободѣ помчался навстрѣчу рабамъ.

— Впередъ, товарищи! Да здравствуетъ Свобода!

Прохажій.

Э! ты куда-жъ, куда собрался, паренекъ?

Иль въ городъ, зашибать копѣйку порѣшилъ,

Что-бъ за отца внести правителямъ оброкъ?...

Аль можетъ трудъ тебѣ крестьянскій опостыль?..

— Прощай, старикъ, да знай, крестьянскій трудъ мнѣ милъ

Не деньги зашибать, чтобы платить оброкъ

Тому, кто насъ, въ конецъ съ тобою разорилъ,

Собрался твой сейчасъ, какъ видишь паренекъ.

Другое я совсѣмъ задумалъ, старина...

Хочу идти туда, откуда голосъ мой

Услышитъ весь народъ, узнаетъ вся страна,

И къ вамъ, родимые, докатится волной.

Я въ думу порѣшилъ народную идти,

Управы требовать на подлыхъ палачей.

Должны-же въ ней для нихъ намордники найти!

И спины стариковъ сберечь отъ ихъ плетей.

Пусть молодъ еще я, но я уже созрѣлъ

И ясенъ палачей мнѣ хитростный обманъ,

Хоть молодъ еще я, но я душою смѣлъ

И не смутитъ меня ни чей высокій санъ.

Ершъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

органъ экстрo-сатирической мысли и въ высшей степени пикантнаго раздумья

„ПОЧТА АМУРА“

Задающій себѣ цѣлью проведенія въ жизнь всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго ядовитаго сарказма. Направленіе прогрессирующее.

Программа minimum дастъ читателямъ и читательницамъ эстетическое наслажденіе; программа maximum — сверженіе бюрократическаго строя, на почвѣ бу-дуаровъ и балета.

„Почта Амура“ будетъ выходить еженедѣльно, въ размѣрѣ 16 стр., богато иллюстрировано.

ЦѢНА ОТД. № 5 КОП.

Редакція и Контора: Спб. Дегтярный пер., д. 14, кв. 30.

Kodak Color Control Patches

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

© Kodak, 2007 TM: Kodak



„П О Е Д И Н О К Ъ“

ОРГАНЪ СЪАТРАТЕСКОЯ МЫСЛИ.

ЦѢНА ОТД. № 15 К., ВЪ ПРОВИНЦІИ 20 КОП.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., д. 14. кв. 28.

Редакторъ принимаетъ: по Вторникамъ и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч.,
по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 4 час. дня.

Издательница А. Д. Рысись.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Спб. Коммерческая Типо-литографія М. Виленчикъ, Литейный пр. 58.